

TOMÁŠ NOSKOVEC

Пражский лингвистический кружок (Pražský lingvistický kroužek)

Письменность Великого Княжества Литовского как европейский феномен: о культурно-историческом контексте восприятия Франциска Скорины¹

Ключевые слова: Франциск Скорина; Библия Руска; Великое Княжество Литовское; письменность, XVI–XVII вв.

Esminiai žodžiai: Pranciškus Skorina; Rusėniškoji Biblija; Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė; raštija, XVI–XVII a.

Keywords: Francysk Skaryna; Ruthenian Bible; Grand Duchy of Lithuania; Writings (literature), 16th–17th century.

Культурно-историческое явление пятисотлетней давности, как Библия Франциска Скорины, требует соблюдения культурно-исторической дистанции. Не следует пытаться связывать явление и сопряжённые с ним места и личности с современными государственными национально-культурными образованиями: это поддержало бы их интерпретацию своей истории, являющуюся, несмотря на направленность на прошлое, артефактом настоящего; само по себе явление, таким образом, будет восприниматься как недоступное остальным культурное наследие определенного государства. Наша задача как филологов и историков заключается в том, чтобы постичь явление в рамках его собственного контекста и, таким образом, сделать его доступным всему человечеству как *exemplum*. *Exemplum* – это литературный жанр, благодаря которому и в рамках которого возникла история, и в настоящее время нет причин от него отказываться: человечеству до сих пор необходимы *exempla* отваги, созидательности, тяги к познанию.

Конечно, человечество в целом – это фикция: человека необходимо воспринимать в рамках конкретной культурно-исторической среды. Есть культурные области, между которыми существуют различные взаимосвязи и различные способы коммуникации. Одной из важных культурно-исторических областей является Европа. Именно применительно к Европе можно говорить о наличии исторически подтверждённой заинтересованности в чужом и ином, которая положила начало истории как стремлению понять конкретного человека в конкретной ситуации. Перед нами, современными европейцами, встаёт серьёзный вызов: научиться воспринимать европейскую литературу

¹ Čia publikuojamas pranešimo, skaityto 2017 m. birželio 15 d. Prahoje vykusiame tarptautiniame simpoziume „František Skorina a Praha“, skirtame Skorinos Biblijos 500-osioms metinėms, tekstas (*red. pastaba*).

как общее культурное пространство, в котором жанры, техники и темы переходят с места на место, из языка в язык, всегда приобретая в процессе специфический облик. Пытаться проецировать на прошлое современные конструкции – это малопродуктивный подход, исследование взаимосвязи различных конструкций в пределах соответствующей исторической эпохи, напротив, может оказаться чрезвычайно плодотворным.

«Бивлия руска» доктора Франциска Скорины была издана в Праге пятьсот лет назад. Это событие имело как определённые причины, так и определённые последствия. Так или иначе, основным культурно-историческим контекстом восприятия Библии Скорины является контекст Великого Княжества Литовского: Скорина, несмотря на то, что в разное время проживал в разных частях Европы, был подданным именно этого государства, и именно населению этого государства была Библия предназначена, пусть и получила известность далеко за его пределами. Цель данной лекции, которой я имею честь открыть международную конференцию, организованную в Праге по случаю этой знаменательной годовщины, состоит в том, чтобы предложить объективно и нейтрально поданный контекст данного явления, подчеркнув его универсальность: лекция попытается преподнести Скорину как исторический пример для Европы и человечества.

Нейтральность будет достигнута следующим образом: государственные образования, ограничивающие рамки исторического контекста, будут определены на основании событий и политических сил соответствующей эпохи – безотносительно к их позднейшим истолкованиям (они, безусловно, тоже являются заслуживающим внимания предметом исторического исследования, однако это уже самостоятельная тема); письменность этих государств будет подана как корпус текстов, отобранных на основании определённых критериев – безотносительно к исторической проекции национальных литературных традиций, которые сформировались намного позже.

Великое Княжество Литовское как государственное образование чётко определяется двумя датами: 1236–1795. В 1236 г. к власти приходит литовский князь Миндовг, который завершил процесс объединения (то есть завоевания) литовских племён. О силе построенного Миндовгом государства говорит даже не столько то, что в 1253 г. он был коронован как король папским легатом, сколько обстоятельство, что после того, как в 1263 г. он был убит вместе со своими двумя взрослыми сыновьями, Литва не распалась, а осталась единой. В 1795 г. Великое Княжество Литовское было окончательно ликвидировано согласно третьему, последнему разделу Речи Посполитой. Территория литовского государства на протяжении веков значительно менялась, однако представление о литовской государственности оставалось неизменным: при присоединении новых территорий, которые ранее принадлежали другим государствам (это относится как к Киевской Руси, так и к Ливонии) никогда не было речи о восстановлении старой государственности или о продолжении её традиций (несмотря на то, что сохранившаяся инфраструктура, доставшаяся Литве, активно использовалась); при объединении с другим государством (абстрагируемся от факта наличия вассальных отношений между Миндовгом и папой римским – это обстоятельство касается только Польского Королевства) всегда было закреплено в договоре – а ещё в большей степени в политико-административной практике – обстоятельство сохранения и развития литовской государственности в рамках определённой территории, что подтверждают заключённые польско-литовские унии: Кревская (1385), Городельская (1413), Люблинская (1569); литовская государственность была аннулирована только польской конституцией 1791 года – первой конституцией на континенте, которая, однако, никогда не вступила в силу.

Взглянем теперь на соседние государства, которые были историческими соперниками Великого Княжества Литовского. На западе эту роль играла Польша, существовавшая в период с 966-го по 1795-й год: в 966 г. польский князь Мешко I женился на чешской принцессе и принял христианство, чем включил свою страну в состав Европы в культурно-политическом смысле (до его правления существование Польши оставалось для Европы по сути незаметным); в 1025 г. его сын Болеслав Храбрый получил наследственный королевский титул (в отличие от Литвы, которая со смертью Миндовга королевский титул потеряла). Польша прекратила своё существование в том же году, что и Литва – на основании того же документа. Польское государство с момента своего возникновения занимало определённую территорию, и планомерно, пусть и с переменным успехом, её расширяло.

Восточным соседом Великого Княжества Литовского была Московская Русь – государственное образование, которое довольно трудно описать с помощью одной символической даты: формирование московской государственности – это длительный процесс, который завершился уже после смерти Ивана IV Грозного (1584) в период правления Бориса Годунова, когда московская митрополия получила статус патриархата (1589). С ретроспективной точки зрения можно выделить несколько символических дат: 1547 г. (венчание на царство Ивана Грозного), 1480 г. (возникновение формулы «Москва – третий Рим» в период правления Ивана III); с перспективной – весь процесс становления независимости, а позднее и гегемонии Московского княжества, который начался в годы правления Ивана I Калиты (1325–1341) – неустойчивый период, полный перемен. Очевидно, что данный процесс сопровождало представление современников о том, что Московская Русь является продолжателем государственных и религиозных традиций Киевской Руси (речь о политических конструкциях XIV–XVI вв.), однако его завершение наоборот принесло полное исчезновение всех тех черт культурной, политической и религиозной жизни, которые были для Киевской Руси характерны.

На севере и северо-западе Великое Княжество Литовское разделяло две географически и культурно близкие земли, имевшие в определённый период тенденцию к политическому объединению. На западе находилась Пруссия, на севере – страна, которая в старших латинских источниках обозначается или как Ливония (*Livonia*), или как *Terra Mariana*. В обеих этих землях латинская Европа основывала епископства и города и в каждую направляла отдельный рыцарский орден. Оба ордена в 1237 г. сливаются, чтобы объединённый Тевтонский орден мог эффективнее сражаться с Литвой: она, однако, не только выдержала натиск, но и расширила в боях с ним свои владения. Государственная структура обеих территорий определилась позже, причём в разное время. Сперва, в Пруссии: в 1466 г. (Второй Торуньский мир) Тевтонский орден окончательно подчинился польской короне: часть его территории была присоединена к Польше напрямую (Королевская Пруссия), часть стала польским вассалом (герцогство Пруссия). Вассальная часть Пруссии с 1525 г. перестаёт быть теократической: великий магистр ордена становится герцогом, рядовые рыцари – придворными. Прусское герцогство было не только первым европейским государством, принявшим лютеранство, но и своеобразной политической лабораторией: новоиспечённый герцог, бывший магистр, советовался по вопросам государственного обустройства напрямую с Лютером; формально, однако, герцогство оставалось вассалом католического польского короля до 1772 г. (первый раздел Речи Посполитой). Политическое развитие другой половины Тевтонского ордена происходило подобным образом, но с иным результатом: в 1561 г. великий магистр упразднил орден и принял лютеранство в надежде получить всю Ливонию в качестве феода

от великого князя литовского. Его план оказался неуспешным: магистру досталась только часть территории (герцогство Курляндия, 1567–1795), оставшиеся ливонские земли были прямо присоединены к Литве. Несмотря на это, большую часть данной территории Великое Княжество по сути не контролировало: постепенно ей овладевает Швеция (1561, 1621, 1629), потом Москва (1710, 1721, 1772), эпизодически также вмешивается Дания (1559–1645). *De facto* здесь существовали различные зависимые и независимые государственные образования, относящиеся к разным культурам.

Теперь обратимся собственно к письменности Великого Княжества Литовского, иначе говоря, к корпусам, сформированным на основании определённых критериев. Основным критерием является следующее: текст обязательно должен предназначаться политическим элитам (светским и духовным) данного государства или же его населению, при этом не имеет значения, на территории какой именно страны он возник. Сформированный таким образом корпус свидетельствует о жанровой дифференциации, причём как положительно (жанры, существование которых хорошо документировано), так и отрицательно (жанры, которые не документированы вовсе). Жанровая дифференциация тесно связана с дифференциацией языковой: письменность функционировала на нескольких языках, при этом конкретный жанр предполагал использование конкретного языка.

Основными языками письменности Великого Княжества были рутенский, церковнославянский, латинский, позже польский (пришёл на смену рутенскому), изредка литовский; дополнительно, в качестве исключения – немецкий, татарский и хазарский/караимский. Хотелось бы обратить внимание на то, что во времена Скорины литовский язык использовался всеми социальными слоями, в том числе и при великокняжеском дворе, но исключительно как разговорный – никому и в голову не приходило на нём писать. Высокопоставленные представители литовских элит воспринимали тексты, написанные на рутенском, как написанные на своём родном языке. Рутенский письменный язык был вариантом языка, на котором говорило славянское население Великого Княжества.

Сперва, разберём жанр официальных документов, которые в Литве собирались в специальном архиве под названием «литовская метрика» – она велась приблизительно с конца XIV в. до прекращения существования литовского государства в конце XVIII в. (сохранилось 622 тома). Основным языком метрики был рутенский, с XVII в. – польский. Достоверно известно, что с начала XVI в. регулярно изготавливались различные списки метрики.

Следующий жанр, имеющий государственное значение – это литовские летописи. Наш корпус включает не все летописи, возникшие на территории Литвы, а только лишь те, которые имеют отношение к литовской государственности. Это связано с тем, что в XIII–XIV вв., когда Литва присоединила значительную часть территории бывшей Киевской Руси, в пределах её владений всё ещё возникали летописи, продолжавшие старую киевскую традицию. Эти хроники содержат упоминания в том числе и о Литве, однако Литва в то время к этому относилась безучастно. Ситуация начала меняться в XV в. в связи с развитием литовско-польских отношений, а также в связи с обострением соперничества между Литвой и Москвой. В середине XV в. появляется краткая литовская летопись, в полной мере отражающая перспективу литовского государства, позднее, в первой трети XVI в., практически одновременно возникают средняя и пространная литовские летописи – все на рутенском языке, последняя, кроме того, на латинице.

В 1468 г. издаётся первый литовский свод законов, весь последующий XVI век ведутся активные работы по кодификации права, результатом которых стали статуты Великого

Княжества Литовского в трёх редакциях (1529, 1566 и 1588) – это тексты, которые с точки зрения своего объёма и содержания представляют собой уникальное в рамках Европы явление. Статуты также были написаны на рутенском языке.

Само по себе количество текстов, относящихся к этим трём жанрам, подтверждает, насколько развитой была письменность Великого Княжества Литовского в XVI в. Это означает, что в Литве существовало немалое количество образованных людей, которые работали с данными текстами на профессиональной основе. Эти же самые люди читали и развлекательные произведения: в XVI в. в Великом Княжестве было издано несколько десятков рутенских переводов средневековых рыцарских романов, которые читало высшее и низшее дворянство, а также мещане. В числе этих переводов были все известные в Европе циклы: античный (Алексаидра), бретонский (Тристан и Изольда), византийский (Бавон). Это тексты, которые принесли с собой в XV в. сербские и болгарские монахи, бежавшие в Литву перед лицом турецкой угрозы. Данный корпус примечателен в первую очередь тем, что доказывает способность литовской письменности воспринимать импульсы извне. Несмотря на это обстоятельство, нам неизвестно о существовании какой-либо прозы с местной, литовской тематикой: литовские летописи изображают множество волнующих событий, и делают они это авторитетно, для того, чтобы всем было известно об обстоятельствах произошедшего, а не для того, чтобы читатели могли получить какое-то эстетическое удовольствие. Точно так же нет никакого подтверждения существования какой-либо местной, литовской переработки иностранных сюжетов, которая была бы написана на рутенском языке.

Удивляет и отсутствие каких-либо личных жанров, однако они по своей природе таковы, что довольно сложно определить, действительно ли данные тексты никогда не существовали, или же просто не сохранились. Исключением являются воспоминания Фёдора Евлашовского (1546–1619?) на рутенском языке, написанные не для издания, а для сохранения семейной памяти, которые были случайно обнаружены во второй половине XIX в., – трогательное свидетельство религиозной терпимости в Литве. В силу особых обстоятельств также сохранилось личное повествование другого литовского дворянина, намного более влиятельного, чем Евлашовский. Николай Христофор Радзивилл по прозвищу Сиротка (1549–1616) был сыном литовского магната Николая Радзивилла Чёрного (1515–1565), главного представителя литовского кальвинизма. В 1567 г., после смерти отца (поэтому Сиротка), перешёл под влиянием иезуитов в католичество. В 1582–1584 гг. совершил паломничество в Иерусалим, которое подробно описал в письмах на польском языке, адресованных своему духовнику-иезуиту. Эти письма позже (1601) были опубликованы на латинском языке и прославились как путевые записи: письма были неоднократно изданы в различных переводах во многих европейских городах. Первоначальная причина их публикации, однако, заключалась в том, что текст должен был послужить жестом католической реформации в духе политики иезуитов в Литве: уважаемый дворянин подаёт пример остальным.

Литовское национальное движение долго задавалось вопросом, почему в средневековой Литве, которая обладала высоким дворянством, могучими воинами, королевским двором и рыцарскими дружинами, не появилось ни придворной поэзии, ни героического эпоса. Нет никаких следов существования таких текстов – ни на литовском языке, на котором разговаривали в средние века при дворе, ни на рутенском, на котором писали. Однако если присмотреться повнимательнее, в XVI в. можно найти большое количество текстов обоих жанров – на латинском языке. Наиболее выдающимся придворным поэтом

Литвы был придворный советник, каноник кафедрального собора в Вильнюсе испанец Петр Ройзий (Petrus Royzius, ~1505–1571); в XVII в. Литву своей лирикой прославил преподаватель Вильнюсского университета поляк Матей Казимир Сарбевский (Maciej Kazimierz Sarbiewski, 1595–1640). Эпоха литовского героического эпоса, содержащего порядка десятка произведений, начинается в 1516 г. ранневозрожденческим текстом Яна Вислицкого (Joannes Vislicensis, ~1485–~1520) *Bellum Prutenum* и заканчивается в 1606 г. барочным *Carolomachia* Лаврентия Боера (Laurentius Voierus, Boyer, ~1561–1619) – произведением, оказавшим влияние на последующие барочные тексты, писавшиеся сперва на латинском языке (о сражениях с турками), а позднее на польском (о сражениях со шведами, о славе великих князей литовских).

Испытывая гордость за свои рутенские хроники и другие тексты государственного значения, Литва даже организывает официальные переводы на латинский, чтобы похвастаться перед Западом: *Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae* (начало XV века)¹. К этому же периоду относится посещение делегацией жемайтских бояр Констанцкого собора, которое сопровождалось письмом на латинском языке (текст был зачитан перед папой римским Мартином V) и политическая переписка между польским королём Ягайлой и великим князем литовским Витовтом с одной стороны и императором Священной Римской империи Сигизмундом с другой. Политическая цель всего этого ясна: Литва пытается в глазах латинского мира сформировать образ надлежащего христианского государства. На латинский язык также были переведены первые две редакции литовских статут: переводом первой редакции пользовалась королева Бона Сфорца, по происхождению итальянка, переводом второй – венгр Стефан Баторий². Вскоре все три редакции статут были переведены и на польский язык, на котором издавались неоднократно. Третья редакция, пережившая само Великое Княжество Литовское и действовавшая на его бывшей территории до 1840 г., была в период своего действия дважды переведена на русский язык, язык Московского государства, и один раз на немецкий.

В то же время литовское государство заботится о своём «медийном образе» при освещении актуальных событий – поляк Эразм Циолек Вителлиус (Erasm Ciołek, 1474–1522) в Риме издал написанное в Вильнюсе обращение к папе Александру VI³, папский легат Якуб с гуманистической фамилией Пизо (Jacobus Pizo; ум. 1527) опубликовал письмо о войне Литвы с Москвой (вероятнее всего, в Риме около 1514 г.), а в 1524 г. в Кракове с большой оперативностью преподносится радостное известие о победе над турками⁴.

Литва отдаёт себе отчёт в том, что она представляет интерес для европейца эпохи Возрождения, который, соединив светское любопытство с религиозным пылом, в не-

1 Собственно, это самая старшая сохранившаяся редакция первой литовской летописи, известной как краткая летопись.

2 Латинский перевод второй редакции (1576) Августин Ротундус (Augustinus Rotundus Mieleski, ~1520–1582), один из составителей статут, снабдил историографической работой *Epitome principum Lituaniae*. Кроме того, Ротундус был сторонником того, чтобы латинский язык был принят за наивысшую форму литовского языка – это означало, что вместо рутенского письменным языком должен был стать латинский.

3 По случаю коронации великого князя литовского Александра (1492–1506) в качестве польского короля. Формально польский король был вассалом папы римского (в данном случае также тёзкой). Речь подчёркивала, что Польша является оплотом христианства и европейской культуры на востоке, и защищает Европу как от Турции, так и от Москвы.

4 Битва произошла 02-07-1524 в Галиции. Автор Николай Гуссовианус (Nicolaus Hussovianus, ~1480 – после 1533) утверждал, что целое стихотворение (174 строки, 87 элегических дистихов) написал за один день. Титульная страница произведения *Nova et miranda victoria de Turcis mense lulo* была украшена четверостишием автора по имени Матиас Пирсернус Силезиус.

которых случаях и с политико-идеологическими интересами, изучает балтийское язычество, размышляет о происхождении славян или о мировой истории в общем (Энеа Сильвио Пикколомини (Eneas Silvio Piccolomini), 1477, Герард Меркатор (Gerardus Mercator), 1595, Ян Ласицкий (Jan Łasicki), 1582 и 1615, Матвей Меховский (Maciej Miechowita), 1517, Марцин Бельский (Marcin Bielski), 1551), поэтому в XVI веке литовское государство организует составление новых изложений литовской истории и реалий, которые писались сразу на латинском (Михалон Литвин, Августин Ротундус, Рейнгольд Гейденштейн)⁵, а также на польском (Матей Стрыйковский)⁶ или на обоих этих языках одновременно (Александр Гваньини)⁷, поскольку Польша была главным партнёром, политическим близнецом, но в то же время и соперником Литвы. Вершиной этого процесса стала двухтомная история Литвы, написанная ректором виленского университета Альбертом Кояловичем-Виюком (Albertas Kojalavičius-Vijūkas, *vel* Wojciech Wijuk Kojalowicz, 1609–1677) и напечатанная в 1650, 1669; это издание в Европе являлось главным и по сути единственным источником знаний о Литве до 1839 г., в котором Иоахим Лелевель (Joachim Lelewel, 1786–1861) издал в Париже первую современную литовскую историю⁸.

Параллельно с историографией в Великом Княжестве развивался также жанр политического диспута (А. Ротундус, Андрей Волян)⁹. Волян (Andreas Volanus, 1530–1610),

- 5 Михалон Литвин (Michalo Lituanus, ~1490–1560) – псевдоним высокообразованного литовского дворянина, работавшего в канцелярии Великого Княжества и участвовавшего в дипломатических переговорах в Москве и в Крыму; 10 частей его исторического трактата «О нравах татар, литовцев и москвитян» были изданы посмертно в Базеле. Августин Ротундус, по происхождению поляк, был секретарём великого князя Сигизмунда I Старого и войтом Вильноса. Получил от государя поручение написать историю Литвы, оригинал которой не сохранился: известны только некоторые отрывки в немецком переводе. Рейнгольд Гейденштейн (Reinhold Heidenstein, 1553–1620) – померанский немец, получивший польское подданство, был секретарём польского канцлера Замоиского и самого короля Стефана Батория. На основании материалов, полученных прямо от них, составил подробное описание войн с Москвой.
- 6 Strykowski, Maciej (~1547–~1593), *Kronika polska, litewska, żmudzka u wszystkich Rusi kijowskiej...* (1582). Эта работа, литовская как по происхождению, так и своей направленностью, задумывалась как противовес по отношению к польским трудам современников и предшественников, которые о Литве отзывались или с открытой неприязнью (Ян Длугош, Марцин Кромер, Станислав Сарницкий), или с недостаточной приязнью (Марцин Бельский).
- 7 Alessandro Guagnini (1538–1614) – итальянец, который за военные заслуги получил в 1571 году литовское подданство. Этим он напоминает Стрыйковского, сына польского земана, состоявшего на военной и дипломатической службе у литовских магнатов, которого позднее жемайтский епископ Мельхиор Гедройц (Merkelis Giedraitis) назначил своим каноником.
- 8 Август Людвиг Шлёцер (August Ludwig von Schlözer, 1735–1809), публикуя в 1785 г. труд под названием *Geschichte von Litauen als Großfürstentums* (Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie, Teil 50), открыто признается в том, что всего лишь переработал и сократил Кояловича.
- 9 Здесь литовская сторона соприкасается с одним хорошо развитым жанром польской письменности. Анджей Фрич-Моджевский (Andrzej Frycz Modrzewski, ~1503–1572), друг Меланхтона и Эразма, в 1551 г. в Кракове опубликовал работу *De republica emendanda* – необычайно вдумчивый труд; Лаврентий Гослицкий (Wawrzyniec Goślicki, 1530/1538–1607) издал в Венеции трактат *De optimo senatore*, который по поручению премьер-министра Великобритании Роберта Уолпола (Robert Walpole, 1676–1745) был в 1733 г. переведён на английский язык, что оказало влияние на реформу парламентарной монархии. Кроме наиболее значительных латиноязычных работ по моральной философии, жанр польского политического диспута также включает споры о сословных привилегиях на польском языке, например, «Разговор дворянина с монахом» рьяного католика Марцина Кромера (Marcin Kromer, 1512–1589) или *Quincunx* (1563) беспринципного скандалиста Станислава Ожеховского (Stanisław Ożzechowski, 1513–1566). На работу Ожеховского моментально отреагировала критическая анонимная брошюра под названием «Беседа поляка с литвином» (дата издания неизвестна, однако наверняка приходится на 1564–1565 годы, потому что уже в 1566 году Ожеховский издал Апологию к диалогу *Quincunx*), авторами которой, вероятнее всего, являются Ротундус и Волян – в иной ситуации противники в религиозных спорах. Волян опубликовал в 1572 году краткий трактат под названием *De libertate politica sive civili*, в котором требовал расширения прав мещан и крестьян и равенства всех сословий перед законом, а также решительно отверг положение, господствовавшее в Польше, при котором чрезмерное количество привилегий одного сословия вело к рабству. Элиашу Пельгжимовскому (Eliasz Pielgrzymowski, 1564–1605) приписывается пламенное воззвание *Philopatris ad senatum populumque Lituani* (1597).

который точно так же, как и Ротундус, был «gente Polonus, natione Lituanus», писал не только политические, но и религиозные диспуты. Он представлял кальвинистское меньшинство в государстве, где великокняжеский двор был католическим, как и этнические литовцы, а славянское население православным, и где удалось установить греко-католическую церковную унию. Эта ситуация создавала условия для развития ещё одного жанра – религиозной полемики.

Одной из политических особенностей Литвы был при этом последовательный отказ от применения насилия в религиозных вопросах, что резко контрастировало с довольно распространённым применением насилия в вопросах имущественных. Наиболее агрессивные действия были предприняты в 1542 г., когда король издал указ, согласно которому протестанты (тогда речь шла о лютеранах) должны были покинуть Великое Княжество без права на возвращение. Однако, этот указ был в 1545 г. отменён¹⁰. Уже в 50-е годы в высших социальных слоях Литвы укоренился кальвинизм, в 1563 г. все христианские конфессии официально уравнили в правах¹¹. Государство терпело даже существование антитринитарных литовских братьев (существовали также и польские братья), которых радикальная реформация завела за пределы христианства как такового: Пётр из Гонёнды (Piotr z Goniądza, между 1525–1530 – 1573), Мартин Чеховиц (Marcin Czechowicz, 1532–1613), Симон Будный (Szymon Budny, 1530–1593).

В этой ситуации католическая реформация (более подходящее обозначение, чем «контрреформация») пользовалась лишь методами воспитания и демонстрации примеров для подражания (таких, как Николай Радзивилл Сиротка), хотя публиковались и призывы к милосердным боям против «тёмных демонов» (например, Ротундус в открытом письме Волану в 1582 г.). Острые столкновения между конфессиями тем не менее происходили и в Литве, но почти исключительно только в сфере литературы¹². В жанре диспута преобладает польский язык, поэтому, например, Симон Будный, литовец, родным языком которого был рутенский, переходит в своём творчестве на польский и даже переводит на этот язык всю Библию (1572). Иоанн Вишенский (между 1545–1550 – после 1620), посылавший в Литву письма со священной горы Афон, наоборот, писал исключительно на рутенском.

Обратимся теперь к вопросу о том, как на фоне письменности Великого Княжества Литовского выглядит Библия Франциска Скорины. На первый взгляд – инородным телом. Во времена Скорины в Литве возникало огромное количество текстов, однако относились они к совершенно иным жанрам – к жанрам исключительно светским, пусть и не стеснявшимся обращаться напрямую к самому папе римскому. Во втором и третьем десятилетии XVI века, то есть в период, к которому и относится книгопечатная деятельность Скорины (состоявшая из двух этапов – пражского и вильнюсского), Литва находилась в состоянии некоей религиозной летаргии: бурные диспуты разгорятся только в

10 Вследствие этого указа два поколения литовцев (в политическом и этническом смысле), обучавшихся в европейских университетах и познакомившихся там с протестантством, переселились в ближнее заграничье, то есть Прусское герцогство, в котором в том же году (1542) был основан Кёнигсбергский университет. Этнические литовцы были как среди первых студентов, так и среди первых преподавателей: Станислав Раполионис (Stanislovas Rapolionis *vel* Stanislaus Rapagellanus, 1485–1545), Абрахам Кульвец (Abraomas Kulvietis, ~1510–1545). Это обстоятельство оказало огромное влияние на развитие литовской письменности в Пруссии.

11 Юридические гарантии получили также евреи, хазары или караимы и татары – культурные общины, которые развивали в Литве свою собственную письменность. Оставляем их в стороне, одновременно полностью признавая, что их культурное значение (в особенности еврейской общины) было в Литве весьма велико.

12 Насилие по религиозным мотивам – особенно в XVII веке – происходит на Украине, которая с 1569 года перешла из состава Великого Княжества Литовского в состав Королевства Польского.

пятом десятилетии, уже после смерти Скорины; обе действующие в Литве христианские церкви, католическая и православная, были во времена его жизни интеллектуально инертны. Задаваясь вопросом, в чём состоит причина того, что протестантская реформация, принёсшая сперва лютеранство, а потом и кальвинизм, сумела в середине XVI века так легко укорениться в Литве, следует иметь в виду, что местные католические элиты были абсолютно неспособны дать интеллектуальный отпор носителям её идей – литовским подданным, получившим образование в европейских университетах; православная церковь во времена Скорины также не проявляла какую-либо интеллектуальную активность – только позже, в последней трети XVI века, литовское православие начинает реагировать на интеллектуальное пробуждение католичества и на Брестскую унию.

Таким образом, Скорина не имел поддержки ни от церкви, ни от государства, тогда как авторы более поздних переводов XVI века уже могли на такую помощь рассчитывать (как в Литве, где поддержка была особенно интенсивной, так и в других европейских странах)¹³. Небольшая группа виленских мещан пожертвовала ему некоторую денежную сумму – за исключением этого, издание Библии Скорины было профинансировано только им самим. Хотелось бы добавить, что как предприниматель Скорина потерпел неудачу: в Вильнюсе он уже печатал не библейские тексты, а произведения других жанров, на которые ожидался большой спрос: *Малая подорожная книжица* (1522); из числа текстов Нового Завета был выпущен только *Апостол* (1525), Евангелие издано не было. Однако европейское книгопечатание XVI века ни в коем случае нельзя воспринимать как предпринимательский проект. В первую очередь это было служение, служение Богу и обществу: слова самого Скорины «Богу ко чти и людемъ посполитымъ к доброму научению» следует воспринимать всерьёз. То, что к такого рода служению стремится доктор Франциск Скорина, частное лицо, не получившее поддержки ни от государства, ни от церкви, – это жест, который бы был положительно воспринят в Чехии того времени, а также, вероятно, в Италии (при несколько иных обстоятельствах), однако маловероятно, что можно было ожидать аналогичного отношения и в Литве: нет оснований полагать, что литовская общественность ожидала чего-то подобного или что она была к этому готова. Возникает вопрос: для кого Скорина вообще печатал свою Библию? Как себе представлял её читателей? Был вообще для него этот вопрос важен?

Двадцать лет спустя, уже после смерти Скорины, у литовского общества действительно не будет недостатка в религиозном и интеллектуальном рвении. В какой степени сам Скорина может быть доказательством того, что литовское общество двадцатых–тридцатых годов XVI века не было в действительности таким вялым, каким его изображает поколение полемических авторов, пришедших Скорине на смену? Можем сравнить Библию 1517 года с иным начинанием – предназначенным жителям Литвы Катехизисом, который был издан в 1547 г. в Кёнигсберге, то есть за пределами Великого Княжества Литовского: он остро критикует текущее состояние христианства в Литве и предлагает способы исправ-

13 Взглянем на динамику возникновения и издания переводов Библии на всей территории Речи Посполитой: 1561, Краков, польская католическая Библия (*Biblia Leopolity*); 1563, Брест-Литовский, польская кальвинистская Библия; 1572, Несвиж, польская арианская Библия; 1580, Острог, православная Библия, первый полный перевод на церковнославянский язык; 1599, Вильнюс, польская католическая Библия (*Biblia Jakuba Wujka*) – текст, который считается эталонным по сей день. За исключением Кракова, все переводы были изданы на территории Великого Княжества Литовского; Острог перешёл от Литвы к Польше только лишь в 1569 году. Как видно, основным языком переводов был польский – за исключением Острожской Библии, которая была переводом на церковнославянский. Намного позже на территории Литвы издаются переводы на местные балтийские языки, причём в виде апракосов: 1637? (сохранилось изд. 1647 г.) (*red. pastaba*), Вильнюс, польско-литовский апракос *Ewangielie polskie y litewskie* (Йонас Якнавичюс; Jonas Jaknavičius, 1589–1668); 1672, Вильнюс, латышский апракос (Георг Элгер; Georgs Elgers, 1585–1672).

ления ситуации. Эта книга обращается к местным дворянам на литовском языке (то есть на местном языке, на котором ранее никто почти не писал) и призывает их регулярно созывать своих слуг и читать им Катехизис вслух. То, что дворянин может читать по-литовски так же легко, как петь по нотам, воспринимается при этом как нечто само собой разумеющееся.

Как Библия Скорины (1517–1525) на церковнославянском языке, так и Катехизис (1547) на языке литовском являются доказательством того, что история чтения не развивается путём перехода от потенциального к актуальному (то есть когда читатель сначала научится читать просто так, а уже потом начнёт читать что-то конкретное); напротив, сперва должен появиться конкретный текст, который люди захотят прочитать, а уже потом ради этого текста они действительно читать научатся. С этой точки зрения действия Скорины были абсолютно рациональны – нельзя его упрекнуть в том, что он заранее не просчитывал, сколько литовских подданных, знающих церковнославянский, может его Библию купить и прочитать: он дал её людям, а остальное зависело от них самих.

Дешёвая неисторичная аналогия с «предпринимательским проектом» была намеренно использована как предостережение: таким образом обращаться с историей нельзя. К сожалению, у нас уже нет времени на то, чтобы продемонстрировать, как на практике работает сам историко-филологический аппарат, который послужил основой сегодняшней лекции. Хотелось бы подчеркнуть, что он существует в первую очередь для того, чтобы мы могли сосредоточиться на правильных, разумных с точки зрения эвристики вопросах, которые должны формулироваться с акцентом на взаимосвязи: книгопечатание как социальное явление имело свои особенности и в Московском государстве, и в Великом Княжестве Литовском, и в Прусском герцогстве; рутенский язык в Москве, конечно, понимали, но воспринимали его при этом совершенно иначе, чем в Литве; литовский язык находился в Пруссии в гораздо более выгодном положении, чем в Литве; польскоязычные тексты, возникшие на территории Королевства Польского, отличались от польскоязычных текстов, написанных в Литве; литовские статуты – это нечто совершенно иное, чем московской Домострой, и т. д.